

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 46

1976

Казимир ЛИСОВСКИЙ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 46

Казимир ЛИСОВСКИЙ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1976

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Казимир Леонидович (Леонардович) Лисовский родился 29 ноября 1919 года на Украине, в селе Ободовке, Винницкой области, в семье бухгалтера. В 1930 году семья переехала в Сибирь.

Первая книга стихов «Клятва» вышла в Красноярске в 1944 году.

Главная тема в творчестве поэта — Сибирь. Таймыр и Якутия, Эвенкия и Тува, Забайкалье и Горный Алтай, туруханский север, берега Карского моря и моря Лаптевых, Енисей, Ангара, Байкал. За тридцать лет творческой работы Лисовского в издательствах Новосибирска, Иркутска, Красноярска издано более тридцати сборников стихов, очерков, книжек для детей. В Москве в разных издательствах вышло пятнадцать сборников поэта.

Член Союза писателей СССР с 1945 года. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ему присвоены звания заслуженного деятеля культуры Польской Народной Республики и почетного строителя Красноярской ГЭС.

ПОКЛОН ТЕБЕ, ШУ-ШУ!

С горы, что Думной издавна назвали,
С прославленной в сказаниях горы,
Вдруг распахнулись шушенские дали:
Поля,
 озера,
 темные боры.

Хребтов Саянских силуэт угрюмый
Отсюда
 очень четко
 виден весь...

Не торопись.
 Остановись.
 Подумай.
И все пережитое как бы взвесь.

Куда ни глянь —
 простор необычайный,
Полей,
 еще не сжатых,
 желтизна,
Качает грузные тела комбайнов
Высокая пшеничная волна.

Но сердце беспокойное торопит:
Скорей, скорей!
 Шофер, дай полный газ!
Ведь все дороги,
 все пути и тропы
Сердца людей ведут сюда сейчас.

Село, в глуши дремавшее от века,
Где к Ленину идем и я и ты,

Сегодня стало —
нет, не новой Меккой —
А берегом Надежды и Мечты.

Вдоль зданий,
только-только возведенных,
Спешим навстречу утренним лучам.
И вот две деревянные колонны
У входа в дом,
знакомый с детства нам.

Текут, текут потоком пионеры,
И Шушь о чем-то шепчет камышу...

Я — у истоков нашей светлой веры.
Я — в Шушенском.
Поклон тебе, Шу-Шу!

ТРОПОЮ ИЛЬИЧА

С борщевика сбивая росы,
Идем тропой Ильича.
К сосне прильнувшая береза
Чуть шелестит,
О нем шепча.

А в кронах солнца луч дробится,
И прелью тянет от земли,
Перекликаются синицы,
Курлычат где-то журавли.

Идем мы, вглядываясь зорко
В любой грибок, в любой цветок,
Сбегаем к озеру с пригорка
В разлив желтеющих осок.

Кувшинки белые, блистая,
Раскрылись солнцу напоказ.
Взлетают диких уток стаи
В каких-то двух шагах от нас.

И медленно плывет к поселку
Тумана тающего клоч,

Как будто от его двустволки
Еще оставшийся дымок.

И думалось осенней ранью:
Здесь, где бродил он молодым,—
Здесь все хранит его дыхание,
Здесь все живет, все дышит им.

ОН МОЛОД БЫЛ ТОГДА...

Да, было все: страстей кипенье,
Избы ванеевской огни,
Над книгою — ночные бденья,
Над рукописью — дни и дни.

Но было: утомившись за день,
Ильич движением руки
Вдруг смахивал усталость:
— Надя,
Айда на Шушы! Бери коньки.

И вот, покой реки нарушив,
Куржак тревожа топольков,
Звенят на льду прозрачной Шуши
Стальные лезвия коньков.

Или: весною лебединой
Без стука, разбудив весь дом,
Являлся Сосипатыч в длинных,
Широких броднях
С ремешком.

Ружьишко вперекрест и фляга,
Ни дать, ни взять таежный волк...
— Вставайте... Не поспеем к тяге,
Идти впусую что за толк?

А утро... Утро-то сегодня!
Ильич смеется:
— Да, пора.
Но бродни-то у вас, но бродни...
Впрямь как ботфорты у Петра!

— Какого?
— Ну, царя, конечно!
Одевшись вмиг,
Двустволку взяв,
Ильич идет, идет поспешно
По изморози жухлых трав.

Внимая дальним перебивкам,
Взбираясь в гору без труда...

Он был уже тогда великим
И —
Просто молод был тогда!

КНИГА ОТЗЫВОВ В ДОМЕ-МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА

К этой книге, на вид неказистой,
Я взволнованным сердцем приник.
Для меня она горный, лучистый,
Очищающий душу родник.

Если бодрости хочешь напиться,
Если хочешь к вершинам идти, —
Прикоснись к ее плотным страницам,
Эти строки любви перечти.

Неразрывную связь поколений
В каждой строчке ты сможешь постичь
Пишут: «Милый наш дедушка Ленин!»
Пишут: «Здравствуй, любимый Ильич!»

Знаю: каждый те строки, как искры,
На прощанье в душе уносил...
Пишут школьники Новосибирска,
Мореходы с далеких Курил.

Им подвластны любые просторы,
Им любые дела по плечу...

Все меняется: сохнут озера,
Тают глетчеры, рушатся горы, —
Неизменна любовь к Ильичу.

СТАРЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ДОМА

Будто бы История сама,
Встали друг за дружкой, по квадрату,
Старые крестьянские дома,
Видевшие Ленина когда-то.

Сизым мохом бревна обросли,
Окна смотрят в темноту устало.
И колодезные журавли
Не скрипят надсадно, как бывало.

Дремлют избы — без огней, дымков,
Сбитые умелыми руками,
Повязавшись белизной снегов,
Как старухи — белыми платками.

Дремлют, дремлют, не смежая век...
Мнится:

из подслеповатых окон
На меня
глухой, недобрый век
Смотрит недоверчиво, жестоко.

Что же,
пусть темны и дряхлы, пусть
Избы те
из бревен в два обхвата!
Я им все же низко поклонюсь,
Им,
видавшим Ильича когда-то.

ЖУРАВЛИНАЯ ГОРКА

Здесь мохнатые сосны, янтарный песок,
Запах смолки и хвои,
Лучами нагретой.
Горизонт удивительно ясен, широк,
И Саяны в сиянии щедрого лета.

И лежит на Саянах нетающий снег,
Словно в сказке,
Невиданно синей окраски...

Журавли прилетали сюда на ночлег
И вели журавлиные пляски.

Затихали потом,
Незаметно уснув.
Выставляла дозорного белая стая.
Брал дозорный какой-нибудь камешек в клюв,
Чуткий сон журавлей
До утра охраняя.

Если выпадет камешек,
Значит, уснул!
Гулко стукнется камень о камень на горке.
Встрепенется вся стая,
Крылами блеснув,
Улетит с вожакom, наблюдающим зорко.

Улетит...
Лишь останется пуха зола.
Улетит и растает в предутренних далях...
С давних пор эту горку
Крестьяне села
Журавлиною горкой называли.

И сюда —
Это знает любой старожил —
В час, когда расступались туманы,
Возвращаясь с охоты,
Всегда приходил
Политический ссыльный Владимир Ульянов.

Слушал, слушал,
Как шепчется шушенский бор,
И, костер разжигая сухими ветвями,
Он смотрел,
Как от искры взвивался костер,
Разгоралось высокое, жаркое пламя.

Так хотелось
В борьбу окунуться скорей,
В Петербург
Так отчаянно сердце стремилось!
Он сидел, провожая косяк журавлей...
Журавли, не зовите!
Ну сделайте милость.

...Вновь Саянские горы синеют вдали,
На вершинах снега
Отливают полудой...

Сколько раз
Прилетали потом журавли,
Сколько раз улетали отсюда!

БЫЛЬ

В том горестном двадцать четвертом
На сходке, в пепельном дыму,
Крестьяне порешили твердо
Поставить памятник ему.

Ильич...
Он жил в их Шуше темной,
Делился с каждым от души,
Так пусть на памятник,
Хоть скромный,
Пойдут их потные гроши!

Но где найти гранит иль мрамор?
И где ваятеля найти?
До ночи спорили упрямо,
Искали разные пути.

Рядили так и этак люди,
Придя к решению одному:
Пусть лучшим памятником будет
Электростанция ему.

Плотину-де насыплем сами
В два метра с лишним в аккурат.
Пусть светит станция огнями.
На полных...
Двадцать киловатт!

Сыскали где-то инженера.
Готов проект. Да вот беда —
Все есть: желание и вера,
А где достанешь провода?

Была страна в те годы бедной,
Опустошенная войной.
И даже жалкий провод медный
Не медный был,
А золотой.

Тогда по избам малый, старый
Пошли, обшарив все углы.
Собрали гири, самовары,
Тазы и медные котлы.

Сей скарб, не разгибая спину,
Сельчане с гордостью несли.
Но —
Не могли достать турбину,
Купить динамо не могли.

И, недосыпанная малость,
Потом размытая рекой,
Плотина
В их сердцах осталась
Святой, возвышенной мечтой.

...Сверкают золотистой лентой
Огни, куда ни кинешь глаз.
До слез
Волнующей легендой
Та была мне кажется сейчас!

ПРИБЛИЖАЛСЯ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

I

В тихом, маленьком Минусинске
Ночь морозная. Сивер жжет.
Двухэтажный,
А все же низкий,
Дом сегодня тот и не тот.

В доме свет необычно яркий
На втором этаже горит.
Печь в гостиной топится жарко,
Стол по-праздничному накрыт.

Он уставлен разною снедью...
А в углу, в футляре заключен,
Длинный маятник чистой медью
Отбивает глагол времен.

В доме все давно уже в сборе.
Здесь друг к другу каждый привык.
И все чаще в их разговоре
Промелькнет вдруг слово: «Старик»¹.

Как им дорог, друзьям по ссылке,
Обжитой домашний уют!
Но сегодня — ни споров пыльных,
Ни остроумия. Все кого-то ждут.

Свет от лампы мягкий, неброский,
Да потрескивание сверчков...
У окна застыл Кржижановский,
На диване присел Старков.

Лепешинский, грея ладони,
Смотрит часто на циферблат.

Возле дома всхрапнули кони.
Чу! Ворота уже скрипят.

Дверь, обшитая парусиной,
Распахнулась...
Под общий крик
За Надеждою Константиновной,
Улыбаясь,
Входит «Старик».

Сколько радости и радушья!
За вопросом новый вопрос:
— Как доехали вы
Из Шуши?
— Не замерзли? Силен мороз!

II

Вот и час двенадцатый пробил...
Девяносто девятый год!

¹ Так называли в молодости В. И. Ленина его близкие друзья.

III

Стих, казалось,
Звон мелодичный.
Бури явственно слышен рев.
В темпе бешеном, необычном
Закрутились стрелки часов.

И, медлительное недавно,
Время властно свое берет.
Миг становится часу равным,
Дню
Становится равным год.

Против лжи,
Против злобы вражьей
Поднимая на битву клич,
— Есть такая партия! —
Скажет
На весь мир Владимир Ильич.

Только он,
С невзгодами споря,
Не смыкая ночами глаз,
Ход Истории мог ускорить
Не в десятки,
А в сотни раз.

Было все: неверье, злословье...
Но уже не призрак во мгле,
А, наполненный плотью, кровью,
Коммунизм
Идет
По земле.

Слыша шаг его исполинский,
Старый мир дрожит...

А пока
В тихом, маленьком Минусинске
Ночь морозная.
Глушь.
Тоска.

Ближих бурь не слышны раскаты,
Льдами сковано
Буйство рек...

Приближается век двадцатый,
Наступает
 ленинский
 век.

НА БЕРЕГУ ВЕЛЬМО

*Радисту поселка Бурный,
замечательному охотнику эвенской
тайги Василию Щеголеву.*

Воображение само
Не в силах передать
Всю красоту твою, Вельмо,
Земная благодать.

Течет река — чиста, ясна,
Как синева небес.
Угрюмых кедрачей стена
Да лиственничный лес.

В тайге раскинулся сейчас,
На берегу Вельмо,
Поселок Бурный,
Золотясь
Окошками домов.

Я здесь встречаю кержаков —
Кремнистый, смелый род
Медвежьей хватки мужиков
С лопатами бород.

Кержак!..
То слово с давних пор.
Назойливо подчас,
Как осужденье, как укор
Звучало среди нас.

Кого-то осуждая вслух,
Твердили меж собой:
«Кержацкий быт»,
«Кержацкий дух»,
«Кержацкий нрав крутой».

Но Время к ним стучит в окно,
Врывается в жилье.
Забыли многие давно
Двуперстие свое.

Висят для виду образа
На вымытой стене.
Двадцатый век глядит в глаза
Убогой старине.

И на двоих деля калач,
Под радиолы гром
О космонавтах бородач
Бубнит с бородачом.

Каноны ветхие поправ.
Вот так живут...
У них
Остались честность,
Строгий нрав
И сила — на троих.

Придет осенняя пора —
Зайди в любой ты дом:
Попотчуют тебя с утра
Тайменем пуда в полтора
И вяленным гусем.

Чтоб выпить — боже борони!
Курить и не проси.
А как охотятся они —
По всей тайге спроси!

ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА

Ты и вправду вся одета в камни!
На твоих плечах лежит тайга.
Каменное ложе. И веками
Дики, каменисты берега.

И вода, бегущая с отрогов,
Бьется, как студеный кипяток,
На твоих бесчисленных порогах,
В сотнях шивер и скалистых щел.

Каменные реки с гор стекают,
Кедры дерзко рвутся в облака...
Вряд ли есть у нас еще такая,
Своенравная, как ты, река.

С братом Енисеем
В пене белой
Вырываясь на простор морской,
Ты, река эвенков, не хотела
Покориться смелости людской.

У меня еще остались снимки,
Сделанные двадцать лет назад:
Я через Большой порог
В илимке
Поднимаюсь меж скалистых гряд.

Да, своими видел я глазами —
И не в старом фильме,
Наяву:
Падая плашмя на голый камень,
С содранными до крови руками,
Лямщики тянули бечеву.

Это все — как сон,
Как злая небыль,
Хоть и было двадцать лет назад...
Те же скалы подпирают небо,
Те же реки каменные спят.

Так же волны пенятся в порогах
И хребты уходят в полутьму,
Только мы нашли теперь дорогу
К сердцу каменному твоему.

Каждый год, штурмуя льды,
В туманы,
Тишину тайги взорвав гудком,
С грузами большие караваны
По тебе проходят прямиком.

Так встречай их братскими руками,
Сыновей,
Смиряющих хребты!..
Знаю: сердце у тебя не камень,
Хоть и впрямь подкаменная ты.

И СНОВА ВСТРЕЧА

Шестнадцать лет назад, в апреле,
Я с ним встречался в Усть-Порту.
Но не забыть — на самом деле! —
Минуту памятную ту,

Когда, невольно холодея,
Собачья натянув унты,
Спустился в царство Берендея,
В чертоги вечной мерзлоты.

Сверкали стены ледяные,
И в сизом инее, пестры,
Лежали мерзлые, литые,
Как бревна, чудо осетры.

Лежали на широких нарах
Простыми штабелями дров...
А от дыханья клубы пара
Взлетали стаяй облачков.

Таинственный, ни с чем не схожий
Мир открывался предо мной.
И я, вконец промерзший, все же
Стоял, заморожен до дрожи
Таймыра сказкой ледяной.

А сам директор рыбзавода
Над изумлением моим
Смеялся: — Знать, не видел сроду!

Как хороши дары природы,
Что в морозильнике храним?!
Переливалось все, сверкало,
Как драгоценное стекло...

И колокольца чистый звон
Разбудит берега немые...
— Счастливый путь! —
Таков закон
Гостеприимства в Эвенкии.

* * *

Сухарь последний — на двоих,
Последняя щепоть махорки.
Последний спирт
За всех живых
Я выпил, заедая коркой.

А тундра дико лица жгла,
И леденил мороз, крепчая....
И я молил,
Молил тепла,
Глоток дымящегося чая.

Теперь комфорт. Теперь уют.
И телефон есть под рукою...

Но почему мне не дают
Воспоминанья те
Покоя?

ИДЕТ «ИВАН НАЗАРОВ»...

Один из новейших, мощных морских теплоходов на Енисее назван именем бывшего начальника Енисейского пароходства, любимца речников, писателя Ивана Михайловича Назарова.

Серый корпус.
Желтая надстройка.
Стрелы кранов рвутся в небеса...
Скал крутых гранитная прослойка,
Ангара,
Что мчится сквозь леса.

Сердца чаще чувствую удары,
Охватила жаркая волна...
Надпись четкая
«Иван Назаров»
На корме мне издали видна.

Терпким, пряным воздухом сосновым
Я дышу над синей быстриной.
Что ж,
Иван Михайлович,
Мне снова
Довелось увидеться с тобой.

Разными делами озабочен,
Снова ты спешишь из порта в порт.
Груз хлопот,
Не зная дня и ночи,
Как на плечи, ты берешь на борт.

И, ступая на одну из палуб,
Как в квартиру захожу твою.
Выпить бы за встречу не мешало б!
К сожаленью, я почти не пью.

— Майна!
— Вира!
Переклик знакомый
Крепышей лебедчиков — в ушах.
На твоём борту я будто дома,
Ну, поговорим же по душам.

Хватит нам для разговора пищи,
А коньяк заменим мы чайком...
После Маяковского,
Дружище,
Трудно говорить с тобой стихом.

Как бы невзначай не повториться,
Не попасться в плен бессмертных строк!
«Чтобы,
умирая,

воплотиться...»

Так сказать и о тебе он мог.

И плывешь ты под багряным стягом,
Выполняя долг обычный свой.
Ты в строю, как прежде,
Работяга,
Умный,
Честный,
Добрый и простой.

...Тянет дымом
От лесных пожаров,
Стужей —
От арктических морей...

Шапки сняты!
Идет «Иван Назаров».
Расступись пред сыном,
Енисей!

ОДИНОКИЙ ВОЖАК

*А следом по той же небесной дороге
Журавушка старый летит*

В. Шефнер

Над осенней тайгой эвенкийской,
Над порожистой речкою Пит,
Гулко хлопая крыльями,
Низко
Лебединая стая летит.

Громко птицы кричат, улетая,
Путь их к милому Нилу велик.
А вдогонку за звонкою стаей
Рвется яростно лебедь-старик.

Он, поди, отмахал километры,
Он отстал, но летит напролом,
На ладони упругие ветра
Опираясь усталым крылом.

Молодых окликаю.
Достоин
Он трубит, одинокий старик,

Заглушая подчас их нестройный,
Их ребячий, задиристый крик.

Но, взбираясь все выше и выше
За крутые хребты, облака,
Молодые как будто не слышат
Этот зов, этот клич вожака.

Что им, юным, здоровым, беспечным,
До каких-то усталых, больных?
Им, наивным, сдается, что вечно
Будет молодость длиться у них.

Улетают в закатных пожарах,
Продолжая свой путь по прямой,
Равнодушные к мужеству старых,
Насмехаясь над славой былой.

Что ж, вперед, чтобы сердце — на части,
Чтобы совесть не мучила впредь!
Нет на свете завиднее счастья,
Чем в полете,
 в пути умереть.

...Я закрою глаза — и увижу:
Мчится белая стая в зенит.
А за нею
Все ниже
И ниже
Одинокая

птица
летит.

ВЕСТЕРПЛЯТТЕ ¹

Памяти погибших здесь.

Крохотный кусочек польской суши
В море устремился,
Схож с клинком.
В сердце — крик:
«Спасите наши души!»
В горле — ком.

Танк, как памятник, встал над плитой
С именами сгинувших солдат.
Вестерплятте...
Сосны здесь с тобою
О боях минувших говорят.

...А случилось так:
С визитом в Польшу,
Зачехлив орудий каждый ствол.
Утром
Броненосец «Шлезвинг-Гольштейн»
Грузно в Данцигский канал вошел.

Не гадали люди и не ждали,
Что войны — наутро — грянет гром.
Матери постели детям стлали.
Завтра в школу.
С первым сентябрем!

Видно, чувствуя, врагом заклятым
Неспроста визит тот нанесен,
Только ты не спал на Вестерплятте,
Одинокий польский гарнизон.

¹ Вестерплятте — маленький полуостров между Гданьским (бывшим Данцигским) каналом и Балтийским морем. До сентября 1939 года здесь находился небольшой польский гарнизон. 1 сентября именно на этот кусочек земли обрушились первые снаряды гитлеровских захватчиков, знаменуя начало второй мировой войны. В течение семи дней, отрезанные от Польши, не имея с командованием связи, мужественные защитники Вестерплятте выдерживали натиск вооруженного до зубов врага, принимали на себя огонь с воды и суши, бомбовые удары — с воздуха. Оборона Вестерплятте вошла в историю борьбы польского народа с фашистскими ордами как одна из ее самых славных, самых героических страниц.

Что-то было в воздухе тревожно,
Очень уж томила тишина.
Может быть, тревога эта ложна?
Может быть, напрасная она?

Горстка их...
Или по-польски — «гарстка».
Но никто не побежит в кусты.
Молча обходил майор Сухарский
Все заставы, вышки и посты.

Ночь была от духоты несносной,
Пылл туман над бухтой, как дымок.
...Утром, лишь запели птицы в соснах,
Медленно орудья броненосца
Повернули дула на восток.

Вестерплатте...
Залп!
Свистят снаряды,
Вестерплатте...
Залп!
За взрывом — взрыв...
И тогда фашистские отряды
Двинулись цепями на прорыв.

Но косили пьяную ораву
Пулеметным, режущим огнем
Железобетонные заставы,
Каждая в дыму пороховом.

Трижды оголтело шли на приступ,
С автоматами наперевес,
Роты озверелые фашистов
И, не выдержав, бросались в лес.

Даже вестерплаттовская пушка
Броненосцу нанесла удар.
У деревьев срезаны верхушки.
Травы побурели.
Пепел. Гарь.

Передышка.
До смерти уставшим,
Прикорнуть бы им часов на пять!

Мылись.
Ели.
Хоронили павших.
Раненых укладывали спать.

Обойдя заставу за заставой,
Утром возвратившись в кабинет,
Командир весь день звонил в Варшаву,
Но радист сказал,
Что связи нет.

Милая Варшава!
Как там?
Что там?
Неужели поддалась врагам?
Кто ему ответит?
Капли пота
Медленно стекали по щекам.

И, собрав солдат и офицеров,
Он промолвил кратко, как всегда:
— Мало сил. Ждать помощи — химера.
Может быть, сдаваться?
— Никогда!

Никогда!
И снова канонада,
Немцы продолжали наступать.
Под неистовым огнем снарядов
Рухнула вартовня¹ номер пять.

Но атака захлебнулась скоро.
И тогда, в затишье грозном, вдруг
Заревели авиамоторы
И от бомб качнулось все вокруг.

Били с воздуха,
С воды и суши,
Кажется, померк весь белый свет.
Но не крик «Спасите наши души!» —
«Не сдадимся» — был один ответ.

¹ Вартовня — караульное помещение, по необходимости превращенное в огневую позицию.

Обреченный,
Брошенный,
Забытый,
Потеряв с командованием связь,
Вестерплатте, видишь: «мессершмитты»
Пролетают над тобой открыто,
Черным-черным вороньем кружась?

Так семь дней.
Семь дней сплошного ада.
Мертвых, раненых уже не счесть.
Мало и патронов и снарядов,
Нет воды и нечего поесть.

Разбомбленный, пламенем объятый,
Дымом застывая горизонт,
Бился ты еще на Вестерплатте,
Одиноким польский гарнизон.

.

Нет, вы не погибли! Вы — живые!
Славят бронза вас, гранит и стих.
Тридцать с лишним лет спустя,
Впервые
Я пришел сюда среди других.

Жаворонок мирно вьется в небе,
И глаза спит голубизна.
А вдаль, надевши белый гребень,
Мерно бьется Балтики волна.

Тишина... Хожу по влажным травам,
И былое возникает въявь:
Нахожу осколок гильзы ржавой,
Медленно с нее счищаю ржавь.

Вот она, застава!
Долго, хмуро
Я гляжу. Как будто бы из мглы
Возникают клочья арматуры,
Хаос железобетонных глыб.

Жили вы и погибали честно,
Защищая, как могли, страну,
Боевые побратимы Вреста,
Встретившие первыми войну.

И для вас,
Сражавшихся, как надо,
Для кого не кончилась война,—
Самая высокая награда —
Тишина.

СТАРЫЙ ГОРОД В ВАРШАВЕ

Старэ място, Старэ място,
Ты мне снишься часто-часто.
Улица Хмельная,
Улица Пивная.
Как они узки, узки,
Режет камень каблук!

Я дышу средневековьем.
Вон у дома,
Поднят ввысь,
Сделан мастерски, с любовью,
Герб сапожника повис.
Я и верю и не верю.
Неужель подводит глаз?
Неужели эти двери
Изготовлены сейчас?
С виноградной пышной кистью
(Символ доброго вина!)
И с ажурной сеткой листьев,
Вытканной из чугуна.
В переплетах этих окон,
В нишах дивной красоты
Ренессанса и барокко
Вижу зримые черты.
Рядом — готика костелов,
Где в одном, простом на вид,
В усыпальнице тяжелой
Прах Сенкевича лежит.
Старэ място, Старэ място,
Ты мне снишься часто-часто.
Ведь поверит кто едва ли,
Что, врагами взорван весь,
Грудой пепла и развалин
В сорок пятом был ты здесь.
Что тебя, благоговей,

Поднимали из руин
И работники музеев,
И топограф не один.
Архитектор и ученый,
Скульптор и каменотес,
Резчик с долотом точеным —
Каждый труд посильный внес.
Отливал литейщик спешно
Двери,
Ручки
И ключи.
На заводе уцелевшем
Отбирали кирпичи.
Обжигали их особо,
Придавая вид и тон
Тех, еще времен Заглобы,
Прапрадедовских времен.
По средневековым планам,
По спасенным чертежам
Из щебенки,
Из бурьяна
Встал ты, вечно дорог нам.

Старэ място, Старэ място,
Ты мне снишься часто-часто.
Ресторан «Под Базылишком»,
Где, случалось, я до дна
Дегустировал «келишек» —
Рюмку старого вина.
Ресторан «Под «Крокодылем»,
Где,
Спустившись вниз,
В подвал,
При свечах мы ели-пили,
Где я тост свой поднимал.
Этот тост с большой любовью
И сейчас поднять готов
За успехи,
За здоровье
Польских чудо-мастеров.
Эти башни,
Эти своды,
Воскрешенные опять,
Просто подвигом народа
Можно было бы назвать!

МИТИНГ В БЫДГОЩЕ

На площади Старого рынка,
Залитого закатом,
В хаки, в желтых ботинках
Выстроились солдаты.
Солдаты Польского войска...
Над четкими их рядами
С белым орлом геройства
Красно-белое знамя.
А дальше — море людское,
Притихшее в те минуты.
Но, эту тишь беспокоя,
Команда гремит: «К салюту!»
И не угрозой, не криком
Лозунг реет над всеми:
«Над Одро и над Балтыкем
Были — естэсьмы — бендземы!»
Я вижу детей-подростков,
Слушающих фанфары.
Я вижу — в морщинах жестких —
Суровые лица старых.
Во взглядах открытых, смелых
Надежду читаю ясно:
Шумела б весна, шумела
Всегда над землею Пястов.
Пусть день встает беспечальный,
Не пахнувший гарью больше,
Над милой, многострадальной,
Цветущей сегодня Польшей.
У многих в руках гвоздики
И белые хризантемы...
«Над Одро и над Балтыкем
Были — естэсьмы — бендземы!»
Скромным символом братства
С шорохом погребальным
Венки из лилий ложатся
На камень мемориальный.
Здесь памятник надо б высечь
Из мрамора самого лучшего!
Здесь тридцать девять тысяч
Гитлеровцами замучено.
Дробь гулка барабанов,
Склоняется знамя низко.

Не заживает рана —
Скорбь о погибших, близких.
Об этих — простых, великих,
Чью память лелеем все мы...
«Над Одром и над Балтыкем
Были — естэсмы — бендземы!»
О, страшная правда века!
Выдумав газы, печи,
Нелюди человека
Думали онемечить.
Еще живут вурдалаки,
Мир бросавшие в хаос.
Им грезятся вновь барани
Освенцима и Дахау.
Попробуйте лишь, пожалте-ка —
Стеной поднимутся люди...
**НАД ОДРОМ И НАД БАЛТИКОЙ
БЫЛИ — ЕСТЬ — БУДЕМ!**

СЕРДЦЕ

Может быть, шалея от усердства,
Опыты проверив в сотый раз,
Лаборанты Института сердца
Тронут веки воспаленных глаз.
Им, ни в чем не любящим отсрочек,
Предстоит узнать, чем бился, жил
Этот сизый маленький комочек
Мышц, артерий и венозных жил.
В зале — блеск волшебных аппаратов,
Кафель до сияния протерт.
Белоснежный холодок халатов,
Синева пробирок и реторт.
А оно покоится в сосуде
С теплою питательной средой.
Люди, люди, кто его разбудит?
Кто живую окропит водой?
Сон, что в нем десятилетия длится,
Кажется порой непобедим.
И склоняются ученых лица
Над комочком маленьким,
Над ним.
...Сердце, в жизни все оно узнало,
Веря в Завтра, все превозмогло.

Сотни бед к нему тянули жала,
Сто смертей через него прошло.
Болью родины своей болело,
Радовалось радостью ее,
Пел народ — оно с народом пело
Самое заветное свое.
А стихи... Оно любило Слово,
Золота весомей, тяжелей,
Хрипловатый голос Смелякова
Бесконечно был ему родней,
Нежели словесная полова
Модных поэтических хлыщей.
Время, стой!
В тиши бессонной зала,
С первым неуверенным толчком,
Сердце вдруг чуть-чуть затрепетало,
Сердце понемногу биться стало
И живым затеплилось огнем.
И, услышав ровное биенье,
Воплотив мечту в конце концов,
Вздрогнут ассистенты на мгновение,
Выступит холодный пот волненья
На висках почтенных мудрецов.
Правнуки! Незримый и незрячий,
Я, давно успевший прахом стать,
Радио и телепередачи
На минуту попрошу прервать.
Диктор, не волнуйтесь, ради бога!
Объявите просто, скромно, строго:
— Говорит Земля!..
Внимают реки,
Горы, степи в волнах чабреца.
Тише. Бьется сердце Человека.
Сын Коммунистического века,
Слышишь ли,
как бились их сердца?!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Поклон тебе, Шу-Шу!	3
Тропою Ильича	4
Он молод был тогда...	5
Книга отзывов в Доме-музее В. И. Ленина	6
Старые крестьянские дома	7
Журавлиная горка	7
Быль	9
Приближался двадцатый век	10
На берегу Вельмо	14
Подкаменная Тунгуска	15
И снова встреча	17
Гостеприимство	18
«Сухарь последний — на двоих...»	19
Идет «Иван Назаров»...	19
Одиноким вожак	21
Вестерплатте	23
Старый город в Варшаве	27
Митинг в Быдгоще	29
Сердце	30

Назимир Леонидович Лисовский
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Редактор **Е. А. Антошкин**.

Технический редактор **А. И. Евтушенко**.

Сдано в набор 28/IX 1976 г. А 06033. Подписано к печати 5/XI 1976 г.
 Формат 70×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,60.
 Тираж 100 000. Изд. № 2825. Заказ 2857. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
 ул. «Правды», 24.

ПРИ ПОЕЗДКАХ В ОТПУСК, КОМАНДИРОВКУ, В ТУРИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ УДОБНЕЕ ХРАНИТЬ ДЕНЬГИ НА АККРЕДИТИВЕ.

Аккредитив является именным документом, по которому деньги, внесенные в сберегательную кассу одного города или района, можно получить в сберегательной кассе любого города или района.

● Владельцу аккредитива сберегательная касса выдает два документа: аккредитив и контрольный лист к нему. Эти документы надо хранить отдельно для того, чтобы в случае утраты одного из них деньги по аккредитиву не могло получить другое лицо.

● Существуют два вида аккредитивов: на любую сумму до 1 000 рублей и на сумму в 300 рублей. Деньги по аккредитиву до 1 000 рублей выплачиваются сберегательной кассой в полной сумме, внесенной на аккредитив. По аккредитиву в 300 рублей можно получить деньги в полной сумме или по частям, по 100 рублей. Для получения денег по аккредитиву установлен четырехмесячный срок со дня выдачи аккредитива.

После этого срока оплата аккредитива сберегательной кассой может быть произведена в течение трех лет только с разрешения управления Гострудсберкасс области, края или республики, название которой указано на бланке аккредитива.

● При получении денег по аккредитиву его владелец должен предъявить в сберегательную кассу паспорт или заменяющий его документ.

Владелец аккредитива может доверить получение денег по аккредитиву другому лицу.

Российское республиканское
управление Гострудсберкасс